

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-98-112>

Моделирование переводческих трансформаций: когнитивный аспект (на материале романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение»)

А.В. Пенькова¹, Д.М. Миронова¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: mir-lina@yandex.ru

Резюме

Одной из актуальных проблем современной когнитивной науки выступает переосмысление сущности основных процессов переводческой деятельности. Классическое рассмотрение языковых трансформаций в рамках собственно лингвистики сменяется представлением их в ракурсе активизации когнитивных структур сознания переводчика. В данной статье с позиции когнитивного подхода рассматривается вопрос функционирования различных типов концептов и осуществления процедур когнитивной работы с ними в процессе применения переводческих трансформаций.

Целью исследования является попытка создания когнитивной модели переводческих преобразований, описывающей различные аспекты мыслительно-языкового взаимодействия, а также анализ переводческих трансформаций по разработанной модели. Данная модель предоставляет возможность раскрыть динамические стороны процесса перевода, объяснить сущность переводческой деятельности в целом.

В задачи данной работы входит изучение теоретических работ по теме исследования, раскрытие понятия переводческих трансформаций, анализ видов трансформаций и выявление их в оригинальном тексте и тексте перевода, определение ключевых точек соотношения когнитивных единиц и вербальных значений.

Последовательный анализ когнитивных оснований переводческих трансформаций проведен при помощи методов концептуального анализа, а также сопоставительного анализа оригинала и текстов перевода, а именно на материале романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» и его перевода, выполненного И.С. Маршаком. Иллюстративный материал представлен примерами, которые были отобраны методом сплошной выборки из текстов.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что применение переводческих трансформаций может изменить тип концепта и область знания, а также задействовать иной когнитивный механизм.

Ключевые слова: переводоведение, когнитивная лингвистика, роман «Гордость и предубеждение», переводческие трансформации.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Пенькова А.В., Миронова Д.М. Моделирование переводческих трансформаций: когнитивный аспект (на материале романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение») // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 4. С. 98-112. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-98-112>.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023

Статья подписана в печать 30.10.2023

Статья опубликована 23.12.2023

© Пенькова А.В., Миронова Д.М., 2023

Modeling of Translation Transformations: Cognitive Aspect (on the Material of Jane Austen's Novel "Pride and Prejudice")

Anastasiia V. Penkova¹, Diana M. Mironova¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: mir-lina@yandex.ru

Abstract

An urgent problem of modern cognitive sciences is the rethinking of the essence of the main processes of translation activity. The classical consideration of linguistic transformations within the framework of linguistics proper is replaced by their presentation as evidence of the activation of the cognitive structures of the translator's consciousness. In this article, from the position of the cognitive approach, the issue of the functioning of various types of concepts and the implementation of cognitive work procedures with them in the process of applying translation transformations is considered.

The purpose of this article is an attempt to create a cognitive model of translation transformations describing various aspects of thought-language interaction, as well as an analysis of translation transformations according to the developed model. This model provides an opportunity to reveal the dynamic aspects of the translation process, to explain the essence of translation activity as a whole.

The objectives of this work include the study of theoretical works on the research topic, the disclosure of the concept of translation transformations, the analysis of types of transformations and their identification in the original text and the translation text, the definition of key points of the relationship of cognitive units and verbal meanings.

A consistent study of the cognitive foundations of translation transformations was carried out using the methods of conceptual analysis, comparative analysis of the original and the translation texts, namely on the material of Jane Austen's novel "Pride and Prejudice" and its translation by I.S. Marshak. The illustrative material is represented by examples that were selected by the method of continuous sampling from texts.

The results obtained allow us to conclude that the use of translation transformations can change the type of concept and the field of knowledge, as well as involve another cognitive mechanism.

Keywords: translation studies, cognitive linguistics, the novel "Pride and Prejudice", translation transformations.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Penkova A. V., Mironova D. M. Modeling of Translation Transformations: Cognitive Aspect (on the Material of Jane Austen's Novel "Pride and Prejudice") *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2023, 13(4): 98–112 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-98-112>.

Received 31.08.2023

Accepted 30.10.2023

Published 23.12.2023

Введение

В настоящее время с развитием когнитивных наук происходит значительное переосмысление процесса переводческой деятельности. Рассматривая переводчика как языковую личность, которая способна воспринимать, обрабатывать и репрезентировать информацию, ученые в области переводоведения переключают интерес на антропоцентрические аспекты

деятельности переводчика. Фокус внимания исследователей переносится с деталей техники перевода на когнитивные процессы и активизацию тех или иных когнитивных структур.

Перед тем, как описать основные понятия теории перевода с точки зрения когнитивного подхода, дадим когнитивно-психологическое определение понятия перевода. Перевод есть «рецептивно-репродуктивный вид речевой деятельно-

сти, предполагающий совокупность смыслового восприятия, осмысления и репродуктивного изложения текста (высказывания) и основанный на развитых языковых и экстралингвистических компетенциях и способности воссоздавать и передавать средствами ПЯ концептуальное представление, соответствующее концептуальному представлению на ИЯ», где ПЯ – язык перевода, ИЯ – исходный язык [1].

С позиции когнитивной лингвистики моделью перевода считается такая модель, в которой процесс перевода моделируется как восприятие одного типа информации и преобразование ее в другой тип. При этом когнитивная система переводчика является преобразующей инстанцией. Перевод в данной модели является формой передачи семиотического опыта одного лингвокультурного сообщества знаковыми средствами другого лингвокультурного сообщества. В модели актуализируется этноментальный аспект деятельности переводчика, где на первый план выходят проблемы функционального соотношения когнитивных единиц и вербальных значений.

В терминологии современной когнитивной лингвистики квантом структурированного знания, той абстрактной единицей, которой человек оперирует в процессе мышления, считается концепт. Он является отражением приобретенных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результатом восприятия окружающего мира [2, с. 23-24].

Если существуют концепты, на основе которых отражаются и интерпретируются явления действительности, логично предположить, что в основе переводческих трансформаций, то есть приемов, с помощью которых разрешаются несоответствия в ИЯ и ПЯ, также лежат различные типы концептов (знания разного уровня абстракции, различные форматы знания) и процедуры их когнитивной обработки.

Проанализировав имеющиеся классификации переводческих трансформа-

ций, данные Л.С Бархударовым [3, с. 190], И.С. Алексеевой [4, с. 159], А.М. Швейцером [5, с. 274], мы нашли наиболее полной и подробно описанной классификацию В.Н. Комиссарова. [6, с. 159-166]. Принимая во внимание характер элементов языка-оригинала, исследователь выделяет следующие виды преобразований:

1) лексические (калькирование, транскрипция, транслитерация, а также лексико-семантическая группа – конкретизация, генерализация, модуляция);

2) грамматические (грамматические замены, членение и объединение предложений, синтаксическое уподобление);

3) лексико-грамматические (антонимический перевод, экспликация, компенсация, а также причислим к ним приёмы добавления, опущения, импликации, идиоматизации и деидиоматизации).

Материалы и методы

Материалом исследования выступает роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение» [7] и его перевод, выполненный И.С. Маршаком [8]. Данные работы требуют применения такого общенаучного метода, как метод сплошной выборки, применяемый для сбора и анализа языкового материала, а также метод концептуального анализа, описательный, сравнительный и контекстуальный методы. Основными при этом являются концептуальный и сопоставительный методы.

Результаты и обсуждение

Используемая в нашем исследовании модель когнитивного описания переводческих трансформаций включает такие аспекты мыслительной деятельности, как:

1) определение единицы перевода и лежащей в ее основе концептуальной области – общего поля, к которому относится категория или фрейм в данной ситуации [9];

2) выявление формата знания в ИЯ и ПЯ;

3) характеристика данного формата с точки зрения представленности в нем первичного или вторичного знания;

4) определение когнитивных механизмов, задействованных в ходе применения трансформации. Под когнитивным механизмом мы понимаем частные операции по обработке информации в ходе концептуализации и категоризации как основных процессов познания.

Алгоритм использования данной модели включает четыре этапа, каждый из которых сосредоточен на определенном аспекте мыслительно-языкового взаимодействия. Далее когнитивное моделирование переводческих трансформаций производилось в опоре на эту модель.

Перейдем к анализу форматов знания, лежащих в основе осуществления грамматических трансформаций. Начнем с грамматических замен – преобразований, вызванных несоответствиями между грамматическими значениями языковых единиц любого уровня:

“It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of a good fortune, must be in want of a wife” – «Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену» [8, с. 3].

Первая из трансформаций – замена части речи, существительного глаголом: *“It is a truth”* → «Все знают». И в ИЯ, и в ПЯ представлено кваликативное предложение, имеющее подлежащее и сказуемое, следовательно, представлен концепт ситуации. Однако если в исходном языке происходит развертывание в ситуативный концепт, который обозначает существование чего-то (в данном случае – существование правды), то в языке перевода ситуация говорит о состоянии, то есть перед нами фрейм ментального состояния.

Вторичное знание, воплощенное в словосочетании *“in possession”*, отталкивается от первичного геометрического представления (одно находится в другом), от концепта-схемы, то есть обоб-

щенного и в большей степени абстрактного представления об определенном объекте или явлении, которые имеют пространственно-контурные характеристики. Оно формируется на основе контейнерной метафоры [10].

В ходе работы переводчик заменяет существительное причастием, образующая слово «располагающий». Здесь перед нами также вторичное знание, так как причастие представляет собой гибридную часть речи, тип концепта – фрейм, то есть многомерное понятие, дающее информацию о некой стереотипной ситуации и представляющее собой слова, связанные ассоциативными отношениями с другими языковыми единицами. Данный формат знания можно представить двухуровневой иерархической структурой узлов – вершинных и терминальных узлов. В данном примере можно вычленить терминальные узлы – кто располагает (молодой человек), чем располагает (средствами) и т.п. Активизируя фрейм через эти данные, мы можем воссоздать всю структуру этой ситуации в целом.

Следующий вид грамматических трансформаций – это членение предложений, то есть преобразование сложного предложения исходного текста в два или более простых предложения в тексте перевода:

“I certainly have had my share of beauty, but I do not pretend to be anything extraordinary now” – «Когда-то я и в самом деле была не лишена привлекательности. / Но сейчас, увы, я уже не претендую на то, чтобы слыть красавицей» [8, с. 4]

Представление человека о значимой части познаваемой действительности зачастую структурируются в виде пропозиции и объективируются как простые предложения. Пропозиция – это модель некоторого фрагмента опыта, в котором выделяются элементы – аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы, а также дается их характеристика и определяются отношения между ними. Пропозиция, в элементарной форме

включающая онтологию аргументов и базового предиката, а также семантические отношения между аргументами, представляет собой когнитивную модель события.

Когда на смену эмпирическим представлениям о мире, сформированным у человека как субъекте познания, приходит понятийное понимание, они получают новое осмысление, а также меняется диапазон языковых возможностей выражения человеком результатов своей познавательной активности. Так, определенные события в окружающей действительности могут объединяться в более сложные образования, гиперсобытия, которые «требуют в целях коммуникации языковую репрезентацию, отличную от репрезентации отдельных событий» [11, с. 100].

Если понимание события формализуется в виде пропозиции, то понимание гиперсобытия оформляется как пропозициональный комплекс, который состоит из двух и более пропозиций, объединенных пропозициональной связкой – концептом сочинения или подчинения, то есть объективируется как сложное предложение.

Так, например, сложноподчиненное предложение в ИЯ *“I certainly have had my share of beauty, but I do not pretend to be anything extraordinary now”* является сообщением, объективирующим синтаксически репрезентируемый концепт, включающий две пропозиции: о прошедшем событии (*“I have had my share of beauty”*) и настоящем событии (*“I do not pretend to be anything extraordinary now”*), которые говорящим видятся как фрагменты одного гиперсобытия. Подобная целостность обеспечивается пропозициональной связкой – концептом подчинения. Сложносочиненные предложения отличаются симметрией их компонентов, то есть события передаются как концептуально самостоятельные и функционально равноценные, и поэтому внутри гиперсобытия тесно не связаны.

В случае использования трансформации членения предложений участвует когнитивный механизм анализа. Мы видим, что посредством перераспределения семантических элементов между отдельными предложениями текста на исходном языке и языке перевода устанавливается семантическая эквивалентность. Переводческая трансформация членения предложений помогает сохранить смысл исходного предложения при переводе на другой язык и облегчить понимание текста читателями.

Обратная представленной выше трансформация – объединение предложений:

“Here she was interrupted again. / Mr. Bennet protested against any description of finery” – «Здесь ее речь была снова прервана, так как мистер Беннет не пожелал выслушивать описание туалетов» [8, с. 13].

Концептуальным механизмом для соединения двух и более событий в осмысленный фрагмент реальности, выраженный в виде сложного предложения, является концептуальная интеграция как базовая когнитивная функция, которая означает объединение ментальных пространств (структур, которые приходят в голову во время мышления и речи) в смешанное пространство. Этот механизм происходит по определенной схеме: «на фоне межпространственных связей (сетей) в исходных пространствах вычленяются единые для них прототипические концептуальные характеристики» [11, с. 102]. При этом смешанное пространство функционирует как единое целое и не ограничивается характеристиками исходного пространства, а понимается в соответствии с конкретным контекстом.

Когнитивным механизмом, участвующим при использовании трансформации объединения предложений, является синтез. Он основывается на способности мозга к обработке и сопряжению информации из различных источников. В случае объединения нескольких предложений в одно переводчик использует свои

знания языка, логику, знание семантики и контекста, чтобы создать более полное и точное предложение.

Далее рассмотрим такой вид грамматического преобразования, как синтаксическое уподобление, или дословный перевод, – «нулевая» трансформация, когда исходный язык и язык перевода имеют параллельные синтаксические структуры; количество элементов и их порядок не могут быть изменены:

“I hope Mr. Bingley will like it, Lizzy” – «Надеюсь, Лиззи, мистеру Бингли это понравится» [8, с. 6].

Так как модели оригинала и перевода идентичны, концептуальная область в этом случае остается неизменной, так же, как и формат знания. Здесь перед нами представлены фреймы ментального состояния, выражающиеся словосочетаниями *“I hope”* и «надеюсь». В целом трансформация целостного преобразования, когда исходный текст и текст перевода имеют параллельные синтаксические структуры, элементы или их порядок не меняются, то есть сохраняется план выражения и план содержания, помогает переводчику воспроизвести содержание, включая эмоциональный тон исходного текста.

Перейдем к следующей группе трансформаций – лексическо-грамматическим. Антонимический перевод – это переход от утвердительной формы в исходном тексте к отрицательной в тексте перевода или наоборот:

“Her mind was less difficult to develop” – «Разобраться в ее натуре было намного проще» [8, с. 5].

Здесь мы можем определить вторичное знание как интеллектуальную оценку, а формат знания как сценарный фрейм. Сценарный фрейм, так же, как и сценарий, представляет собой динамическую когнитивную структуру, которая отличается от статических (фрейм, понятие и т.д.) репрезентацией событий, развивающихся в пространстве и времени, когда одна сцена сменяет другую и все

они причинно связаны [13]. Данный термин ввел М. Минский, и определил его как типовую структуру «для некоторого действия/события, которая включает характерные элементы этого действия и которая непосредственно связана с ситуацией» [14]. Важным различием между сценарным фреймом и сценарием является его неотделимость от конкретного контекста той или иной ситуации.

Когнитивный механизм в данном случае – это перспективизация, то есть выдвижение на первый план отдельных признаков концепта. Перспективизация отражает субъективную позицию говорящего с выбором определенного ракурса, системы координат, точки обзора. Данный механизм определяет способность человека вычленять ключевые части концептуальной структуры. В языке перевода угол зрения, ракурс видения переводчика сменился, что вербализуется единицами *“difficult”* → «проще». Однако так как в предложенном примере знание вторичное, то присутствует и другая когнитивная операция, вторичная – сравнение.

Экспликация, или описательный перевод, – это объяснение значения лексических единиц исходного языка с помощью словосочетаний в языке перевода:

“Mr. Bingley had soon made himself acquainted with all the principal people in the room...” – «Мистер Бингли вскоре познакомился почти со всеми присутствовавшими» [8, с. 10].

Дословный перевод *“people in the room”* будет звучать как «люди в комнате», имеются пространственно-контурные характеристики, следовательно, формат знания – схема. Переводчик применил трансформацию и образовал «присутствующими», что представляет такой тип концепта, как понятие – знание о наиболее общих, объективных и логически структурированных признаках объекта, которое «возникает на основе представления или схемы в результате абстрагирования от второстепенных признаков»

[14, с. 56]. Концептуальная область при этом не изменилась и осталась в пределах местоположения, а знание изменилось на вторичное, так как образовано причастие. Когнитивный механизм, задействованный в данном случае, – дефокусирование, так как переводчик фокусировался на присутствии людей, исключая другие свойства и характеристики, которые могут быть связаны с этим понятием.

Следующая трансформация – добавление, то есть использование в тексте перевода дополнительных лексических элементов, не имеющих внешне выраженных аналогов в оригинальном тексте:

“*My dear Mr. Bennet,*” replied his wife, “*how can you be so tiresome!*” ” – «Дорогой мистер Беннет, – ответила его жена, – сегодня вы просто невыносимы» [8, с. 4].

Обратим внимание, что за счёт «*can*» и «*be*» в оригинальной реплике возможно определить время – настоящее, первичное знание. Именно с целью сохранить время действия переводчик добавляет единицу «*сегодня*», вторичное знание. Так, в ИЯ время выражено грамматически, а в ПЯ – лексически. В обоих случаях представлены части фрейма, то есть базовые слоты общей модели ситуации – обстоятельство времени. Концептуальная область – грамматическое время. Так как меняется фокус передачи концепта, когнитивный механизм мы можем определить в терминах перспективизации.

Обратная добавлению трансформация – опущение:

“*But, my dear, you must indeed go and see Mr. Bingley when he comes into the neighbourhood*” – «Но, мой друг, вам непременно следует навестить мистера Бингли, как только он появится» [8, с. 6].

В данном случае в ПЯ опускается обстоятельство места “*into the neighbourhood*”, однако глагол “*see*” в ИЯ преобразуется в «*навестить*». Это слово имеет следующее определение в Толковом словаре С.И. Ожегова: «НАВЕС-ТИТЬ. Посетить, намереваясь пробыть

недолго. Н. больного. Шёл мимо, решил н. приятеля. Н. друзей. Н. родные места» [15]. Именно с целью сохранить значение «посетить, зайти в гости» переводчик использует единицу «*навестить*» и игнорирует ставшее избыточным с позиции смысловой нагрузки обстоятельство места. В связи когнитивный механизм в данном случае – перспективизация.

Типом концепта “*into the neighbourhood*” является схема, так как представляет собой конкретный визуальный образ с пространственными характеристиками; представлено вторичное знание. Когнитивная область – место действия.

Далее перейдем к такой трансформации, как идиоматизация – преобразование семантических элементов, выраженных в прямом (непереносном) значении с помощью иносказания, идиомы, фразеологизма и т.п.:

“*It is evident that you belong to the first circles*” – «*Ваша принадлежность к высшему обществу бросается в глаза*» [8, с. 93].

Так как значение идиом, фразеологизмов и т.п. образно мотивированно, они представляют особый интерес для исследователей. Когнитивное моделирование смысла любого иносказания представляет собой «формализованное представление этого процесса с помощью фреймов и операций над ними» [16, с. 240]. Соотношение актуального значения и внутренней формы определяет двойственность описываемой в нем ситуации.

Так, фразеологизм «*бросается в глаза*» означает «становиться явно заметным для зрительного восприятия; резко выделяться из окружающего» [17]. Первое ментальное пространство образуется из прямого значения выражения, складывающегося из значения его компонентов. Лексема «бросаться» означает «стремительно кинуться, кидаться», предлог «в» выступает как пространственный ориентир перемещения, «глаза» имеют смысл «взгляд». Актуальное значение данного фразеологизма тесно соотносится с внут-

ренной формой. Таким образом, фрейм-источник – «попасть в глаза», а фрейм-цель, вторичное знание – «быть замеченным, выделяться». В исходном языке “*it is evident*” можно дословно перевести как «это очевидно». Формат знания также фрейм. Когнитивная область – заметить, обратить внимание. Когнитивный механизм, задействованный в данном примере, – перспективизация.

Обратная идиоматизации трансформация, то есть замена образно-экспрессивных языковых единиц нейтральными, – это деидиоматизация:

“*“Which do you mean?” and turning round he looked for a moment at Elizabeth, till catching her eye, he withdrew his own and coldly said...*” – «Про кого это вы говорите? – Обернувшись, Дарси взглянул на Элизабет, но, заметив, что она на него смотрит, отвел глаза и холодно сказал...» [8, с. 11].

В идиоме “*catch someone's eye*” лексема “*catch*” означает поймать, “*eye*” – взгляд. Внутренняя форма данной идиомы пересекается с актуальным значением, что делает его легко понятным и узнаваемым. Вторичное знание, образованное путём соединения исходных фреймов, реализовано значением ‘поймать взгляд, привлечь внимание, попасться на глаза’. Переводчик опустил идиому, используя конструкцию «она на него смотрит», за которой стоит сценарный фрейм.

В оригинале фразеологизм “*catching her eye*” фокусирует внимание на действии, тогда как в переводе «она на него смотрит» перспектива смещается на объект, то есть на человека, на которого она смотрит. Таким образом, при переводе происходит перемещение фокуса с одного элемента на другой, что характеризует о действии механизма перспективизации.

Перейдем к группе лексических трансформаций. Калькирование – замена лексических единиц исходного языка их эквивалентами в языке перевода. Данное преобразование чаще всего применяется

для перевода общеупотребительных слов и словосочетаний:

“*...and on these grounds I flatter myself that my present overtures are highly commendable, and that the circumstance of my being next in the entail of Longbourn estate will be kindly overlooked on your side, and not lead you to reject the offered olive-branch*” – «По этой причине я льщу себя надеждой, что Вы благожелательно отнесетесь к моему настоящему изъявлению доброй воли и не отвергнете протянутую мною оливковую ветвь, великодушно закрыв глаза на то, что я являюсь наследником Лонгборна» [8, с. 55].

Выражение «оливковая ветвь» является международной реалией, используемой во всем мире. Как и англоязычные, так и русскоязычные читатели могут легко понять ее смысл. Переводчик принял решение подобрать эквивалент, сохранив колорит ИЯ. И в исходном языке, и в языке перевода мы можем увидеть аллюзию – когнитивный механизм, который базируется на использовании уже имеющихся знаний (как и собственного опыта человека, так и совокупных знаний общества) для решения других задач. Таким образом, концептуальная область «мир, примирение» не меняется; знание вторичное, формат знания передается идиоматически на уровне пропозициональной структуры с заполненными синтаксически позициями.

Трансформации транслитерации и транскрипции – это перевод лексической единицы путем воссоздания ее формы с помощью знаковой системы другого языка. В случае транскрипции воспроизводится звуковая форма, а при транслитерации – графическая. Так как фонетическая и графическая системы языков существенно различаются, воссоздание формы иноязычных слов на языке перевода всегда является условной и приблизительной. Данные трансформации использовались в романе преимущественно для перевода имен собственных:

- транслитерация: *Lydia Bennet* – Лидия Беннет, *Maria Lucas* – Мария Лукас, *Mr Gardiner* – Мистер Гардинер;

- транскрипция: *Miss de Bourgh* – Мисс де Бёр, *George Wickham* – Джордж Уикхем, *William Lucas* – Уильям Лукас, *Louisa Hurst* – Луиза Херст, *Caroline Bingley* – Кэролайн Бингли, *William Collins* – Уильям Коллинз.

В этом случае концепты функционируют в одной рамках концептуальной области – «человек», формат знания – понятие. Здесь мы можем увидеть наиболее универсальный когнитивный механизм – аналогию, который базируется на приверженности человека к аналогическому мышлению. Как подчёркивает Е.С. Кубрякова, «аналогия предполагает существование известного прототипа каждой формы как образца для подражания» [18, с. 45].

Как правило, лексические единицы русского языка более конкретизированы, чем соответствующие единицы английского языка. Конкретизация – это замена исходных единиц с широким значением единицами более узкого значения:

1) *“His coming into the country at all is a most insolent thing, indeed, and I wonder how he could presume to do it”* – «Появление Уикхема в этих местах – неслыханная дерзость. Непонятно, как он мог на это осмелиться!» [8, с. 96];

2) *“How wonderfully these sort of things occur!”* – «Случаются же на свете подобные чудеса!» [8, с. 97];

3) *“We will settle with your father about the money afterwards; but the things should be ordered immediately”* – «О деньгах мы поговорим с папой позже. Но платье нужно заказать сию же минуту» [8, с. 302];

4) *“A single man of large fortune; four or five thousand a year. What a fine thing for our girls!”* – «Молодой холостяк с доходом в четыре или пять тысяч в год! Не правда ли, удачный случай для наших девочек?» [8, с. 5];

5) *“She was very equal, therefore, to address Mr. Bingley on the subject of the ball, and abruptly reminded him of his promise; adding, that it would be the most shameful thing in the world if he did not keep it”* – «Поэтому ей ничего не стоило заговорить с мистером Бингли о бале и прямо напомнить ему про его обязательство, добавив, что с его стороны было бы позорнейшим упущением, если бы он не сдержал слова» [8, с. 45].

Во всех вышеприведенных примерах трансформации подвергается слово *“thing”*. При этом следует учитывать, что «одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентировать, представлять в речи разные признаки концепта и даже разные концепты – в зависимости от коммуникативных потребностей, от объема, количества и качества той информации, которую говорящий хочет передать в данном коммуникативном акте и, естественно, в зависимости от смысловой структуры слова, его семантических возможностей» [19, с. 14]. Данная полисемичная единица, представляя собой понятие и обладая широким значением и некой контекстуальной обусловленностью, в разных своих лексико-семантических вариантах репрезентирует разные концептуальные области:

1. *“Thing”* – поступки, деятельность. Единица *“thing”* находится на суперординантном уровне, представляя собой концепт сущности, существования и вторичное знание. Так как в ИЯ данная единица имеет признак *“insolent”* (наглый, дерзкий), И.С. Маршак категоризирует ее до интерпретирующего концепта субкатегориального уровня *«дерзость»* – концепт поведения, негативной оценки, следовательно, вторичное знание.

2. *“Thing”* – ситуация, случай. В этом примере переводчик трансформирует единицу *“thing”*, имеющую рациональное содержание, в интерпретирующий концепт-релятив, выражающий эмоцию и дающий нормативную оценку, так как проявляется степень нетипичной ситуа-

ции. Так же представлено вторичное знание.

3. “Thing” – конкретная, материальная вещь. Здесь единица суперординантного уровня конкретизировалась до базового, область «сущность» при этом не изменилась, однако изменилась категориальная принадлежность.

4. “Thing” – непредвиденное событие. В данном случае И. С. Маршак конкретизировал ситуативный концепт, сохранив при этом оценочность суждений в пределах вторичного знания.

5. “Thing” – инцидент, происшествие. Здесь также представлено вторичное знание, так как дается нормативная оценка “*the most shameful*” – «*позорнейшим*» [8, с. 73]. Однако если в ИЯ концепт имел объективное, рациональное значение, то в ПЯ – эмоциональное.

Обратная конкретизации трансформация, то есть преобразование от частного к общему – генерализация:

1) “*O that he had sprained his ankle in the first dance!*” – «*Что ему стоило подвернуть ногу при первом танце?*» [8, с. 13].

2) “*Elizabeth hesitated, but her knees trembled under her and she felt how little would be gained by her attempting to pursue them*” – «*Элизабет хотела было настоять на своем, но, почувствовав слабость в ногах, поняла, что едва ли способна догнать Гардинеров*» [8, с. 272].

Соматические концепты “*ankle*” и «нога», “*knees*” и «ноги» в первом и втором примерах соответственно относятся к классу биологических, так как их концептуальное содержание включает в себя телесный аспект. При этом концептуальная область «часть тела» не меняется, знание первичное.

Модуляция – это замена лексической единицы исходного текста другой единицей переводящего языка, смысловое значение которых связано причинно-следственной связью. При этой трансформации семантическая структура предложения подвергается самым большим изме-

нениям и может приобретать новые элементы.

“*He gave the horse his head*” – «*Он отпустил поводья*» [8, с. 215].

В данном случае наблюдается четкая метонимическая связь: голова лошади и поводья – замена действия его причиной. Дословно предложение в ИЯ можно перевести как «он отдал коню его голову», то есть «дал лошади самой выбирать дорогу». Перед нами вторичное знание, формат знания – сценарный фрейм. «Поводья» в значении средства управления лошадью представляют собой первичное знание. Когнитивный механизм, задействованный в ходе применения трансформации, – аналогия, так как в ее основе «лежит образование одной формы по типу и подобию другой или других», что «свидетельствует о понимании структурного и/или семантического сходства между всеми такими единицами и о существовании ассоциативных связей между ними» [18, с. 45, 49]. В оригинальном предложении активной зоной является действие “*gave the horse his head*”, а в переводе акцент смещается на действие «отпустил поводья». Поэтому другой задействованный механизм – перспективизации.

Выводы

Итак, в обследованном тексте перевода романа количество грамматических трансформаций составило 158 штук (51% от общего числа трансформаций), из которых мы выделили 45% примеров грамматических замен, 38% членений предложений, 6% объединений предложений, 11% синтаксических уподоблений. Выборка лексических трансформаций представлена 59 реализациями (22% от общего количества), из которых 6% примеров калькирований, 20% транскрипций и транслитераций, 38% конкретизаций, 22% генерализаций, 7% модуляций. Корпус лексико-грамматических трансформаций включает 77 употреблений (27% от общего количества), из которых 9%

примеров антонимических переводов, 4% описательных переводов, 18% добавлений, 20% опущений, 37% идиоматизаций,

12% деидиоматизаций. В обобщённом и наглядном виде полученные результаты суммированы на диаграммах (рис. 1, 2):

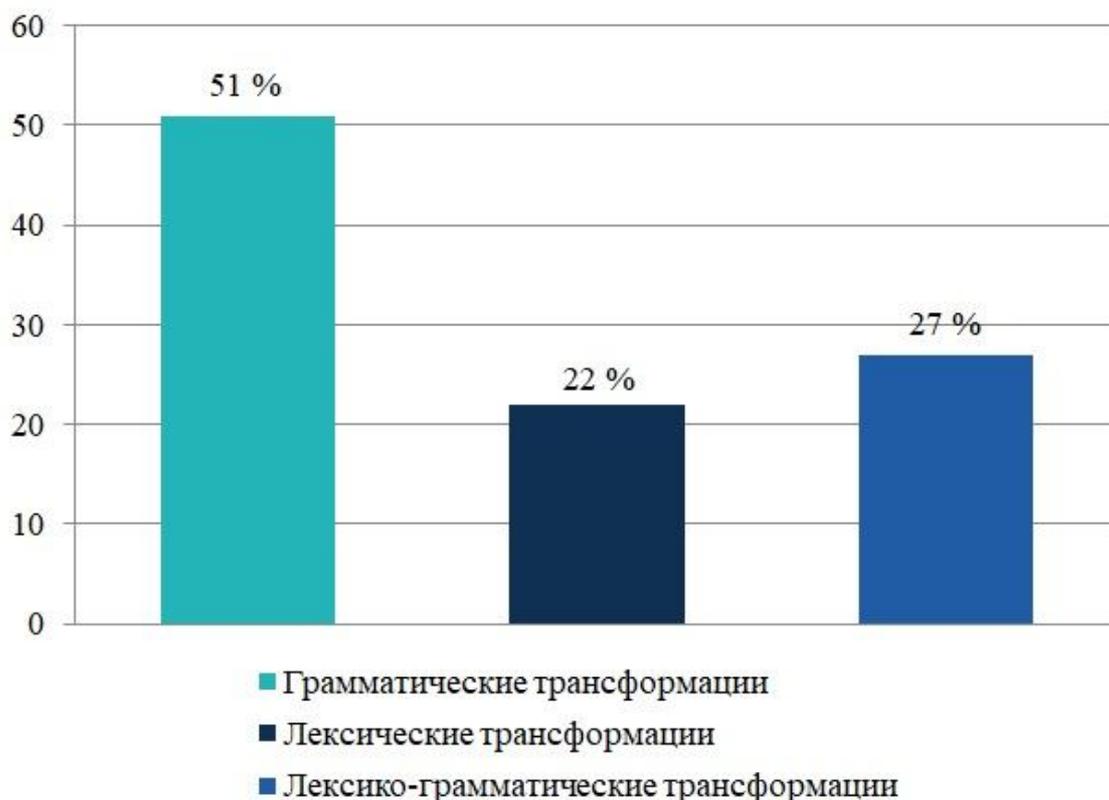

Рис. 1. Доля видов переводческих трансформаций от общего числа выявленных преобразований

Fig. 1. Percentage of types of transformations from the total number of identified translation transformations

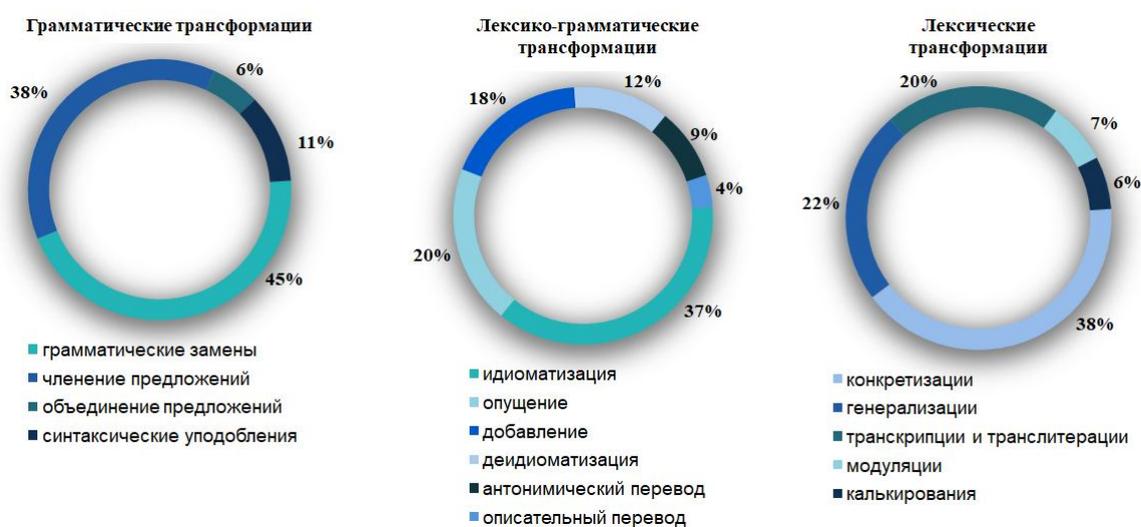

Рис. 2. Процент типов переводческих трансформаций на каждом уровне

Fig. 2. Percentage of types of translation transformations at each level

Преобладающее количество грамматических преобразований, а конкретно грамматических замен, связано с различиями в грамматических структурах английского и русского языков. Во-первых, положение сказуемого по отношению к подлежащему в повествовательном предложении в этих языках весьма различно [21]. Во-вторых, в русском языке существует множество разных типов одноставных предложений с разнообразной семантикой, в то время как в английском языке число таких типов весьма ограничено. Эти черты являются следствием аналитической природы английского языка, для которой характерен жесткий порядок слов и обязательное наличие подлежащего, даже если оно выражено формально; русский же язык имеет синтетический строй [22]. В-третьих, как известно, русский язык относится к числу языков с развитой системой словоизменения, где, в частности, наблюдается согласование единиц по роду, числу, падежу.

Как показал проведенный анализ, наиболее часто встречающиеся трансформации связаны с преобразованием пропозициональных структур или пропозиций. Это обусловлено тем, что в английском языке и русском языке используются разные способы выражения и структурирования информации. Переводчик вынужден был изменять структуру предложений, чтобы передать правильный смысл оригинального текста, достигнув эквивалентности и адекватности.

В большинстве случаев трансформациям было подвергнуто вторичное знание. Переводчик должен был преобразовать его с целью передачи эквивалентного смысла на русском языке.

Активно развивающаяся на сегодняшний день когнитивная направленность исследований перевода дает новый стимул для научного сопоставления исходного текста и текста перевода, позво-

ляя выявить новые тонкости переводческой деятельности. Так как текст оригинала обладает потенциалом актуализации в сознании определенной структуры концептов, называемой «инвариантом перевода», основной критерий при оценке успешности перевода состоит в том, «удалось ли переводчику объективировать всю совокупность концептов, потенциально актуализируемую исходным текстом» [20, с. 235]. Эти концепты, взаимодействуя друг с другом, с контекстом и фоновыми знаниями переводчика, формируют смысловую структуру. Могут возникнуть проблемы, связанные с отсутствием эквивалентных для языка перевода смыслов или структур исходного текста. Переводческие трансформации в определенной степени позволяют восполнить этот пробел.

Опираясь на разработанную модель, в исследовании были выявлены и подробно описаны когнитивные аспекты переводческих трансформаций, обнаруженные в тексте перевода И.С. Маршака романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

Полученные результаты дают основания полагать, что ключевым фактором для применения преобразований являются различия в типологии английского и русского языков. Однако при этом необходимо также учитывать специфику языковой личности переводчика. Вследствие того, что между оригиналом и переводом невозможно семантическое тождество, а возможна лишь интерпретация исходного текста, языковая личность переводчика и его творческая индивидуальность не могут не сказаться на результате. Творческая сторона деятельности переводчика проявляется в первую очередь в выбранных им стратегиях и приемах, в том числе в применении переводческих трансформаций. Поэтому при обращении к художественной форме познания [23, с. 31] и в процессе перевода художественного

текста приоритет отдаётся не только навыкам перевода с одного языка на другой, но и языковой и творческой личности переводчика, имеющего целью пере-

дать стиль автора произведения и создать коммуникативно равноценный оригиналу перевод.

Список литературы

1. Шелестюк Е.В., Яковлева Е.С. Когнитивно-психолингвистические парадигмы перевода как билингвальной речевой деятельности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 10. С. 279–290.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 123 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
4. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
5. Швейцер А.М. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
7. Austen J. *Pride and Prejudice*. London: Wordsworth Classics. 1999. 265 p.
8. Остин Д. Гордость и предубеждение: [роман] / пер. с англ. И.С. Маршака. М.: Наука, 1967. 383 с.
9. Langacker R. *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. Oxford University Press, 2008. 562 p.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
11. Виноградова С.Г. Коммуникативное членение сложного предложения: когнитивные основы. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 221 с.
12. Nelson K. (ed.) *Event knowledge Structure and function in development*. Hillsdale, New Jersey – L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986.
13. Minsky M. *A framework for representing knowledge*. 1974.
14. Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику. Изд. 2-е, перераб. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 313 с.
15. Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1949–1992.
16. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
17. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
18. Кубрякова Е.С. Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 43–51.
19. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / науч. ред.: З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. 313 с.
20. Минченков А.Г. Когнитивная и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб. : Антология, 2007. 256 с.
21. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III. С. 80
22. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е изд. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.

23. Миронова Д.М. Концепт как базовая единица когнитивного описания языка. Курск, 2020. 112 с.

References

1. Shelestyuk E.V., Yakovleva E.S. Kognitivno-psiholingvisticheskie paradigmy perevoda kak bilingval'noj rechevoj deyatel'nosti [Cognitive-psycholinguistic paradigms of translation as a bilingual speech activity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2019, vol. 12, is. 10, pp. 279–290.
2. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. Tambov, TGU im. G. R. Derzhavina Publ., 2002. 123 p.
3. Barhudarov L. S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and particular theory of translation)]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1975. 240 p.
4. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to Translation Studies]. St. Petersburg; Moscow, Izda-tel'skij centr "Akademiya" Publ., 2004. 352 p.
5. Shvejcer A.M. *Perevod i lingvistika* [Translation and linguistics]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 280 p.
6. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow, ETS Publ., 2002. 424 p.
7. Austen J. *Pride and Prejudice*. London: Wordsworth Classics, 1999. 265 p.
8. Ostin D. *Gordost' i predubezhdenie* [Pride and prejudice]; ed. by I.S. Marshaka. Moscow, Nauka Publ., 1967. 383 p.
9. Langacker R. *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. Oxford University Press, 2008. 562 p.
10. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [The metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
11. Vinogradova S.G. *Kommunikativnoe chlenenie slozhnogo predlozheniya: kognitivnye osnovy* [Communicative division of a complex sentence: cognitive foundations]. Tambov, Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina Publ., 2015. 221 p.
12. Nelson K. (ed.) *Event knowledge Structure and function in development*. Hillsdale, New Jersey – L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986.
13. Minsky M. *A framework for representing knowledge*. 1974.
14. Konnova M.N. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistik* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta Publ., 2012. 313 p.
15. *Tolkovyj slovar' Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary]; ed. by S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. Moscow, 1949–1992.
16. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p.
17. Fedorov A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel': AST Publ., 2008. 828 p.
18. Kubryakova E.S. [Reflections on analogy]. *Sushchnost', razvitie i funkcii yazyka* [The essence, development and functions of language]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 43–51 (In Russ.).
19. *Yazyk i nacional'noe soznanie: voprosy teorii i metodologii* [Language and national consciousness: issues of theory and methodology]; ed. by Z. D. Popova, I. A. Sternin. Voronezh, Voronezh. gos. un-t Publ., 2002. 313 p.

20. Minchenkov A.G. *Kognitsiya i evristika v processe perevodcheskoj deyatel'nosti* [Cognition and heuristics in the process of translation activity]. St. Petersburg, Antologiya Publ., 2007. 256 p.
21. Grinberg Dzh. [A quantitative approach to the morphological typology of languages]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, 1963, is. III. P. 80 (In Russ.).
22. Arakin V.D. *Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian languages]. Moscow, FIZMATLIT Publ., 2005. 232 p.
23. Mironova D.M. *Koncept kak bazovaya edinica kognitivnogo opisaniya yazyka* [The concept as a basic unit of cognitive description of language]. Kursk, Yugo-Zap. gos. un-t Publ., 2020. 112 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Пенькова Анастасия Владимировна, студент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: milkvch@yandex.ru

Anastasia V. Penkova, Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: milkvch@yandex.ru

Миронова Диана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: mir-lina@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1450-515X

Diana M. Mironova, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: mir-lina@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1450-515X